

В ливень

Шли лугом двое — мальчик и девочка. Мальчик, лет девяти, с белой, как одуванчик, головой, был в майке и штанах, закатанных до колен. Его спутница, в ситцевом пестром платице, худенькая и проворная, порою неожиданно, со всех ног кидалась в сторону посветлевшей полоски ржи, выметавшей крупный колос, рвала там васильки и, звонко смеясь, в один дух настигала мальчика. Когда она бежала, в ее высоко поднятой руке незатухающим голубым огоньком мелькал букет. Мальчик оглядывался, задерживал шаг, внимательно из-под козырька ладони смотрел, как она мчится к нему по траве, густо окропленной ромашками, и тоже чему-то смеялся и раскидывал руки, стремясь перехватить ее и поймать на лету, как бабочку. Но девочка увертывалась, гордясь своею резвостью, своими быстрыми, легкими ногами, вдруг останавливалась и говорила:

— Ага, Миша! И не поймал меня!

— Вот захочу и поймаю, — ронял мальчик.

Собирался дождь. Из-за Шахана, большой горы с едва приметной деревянной вышкой на самой вершине, вываливались тучи, иссиза — темные, с длинными белыми полосами. Тучи росли, ворочались над горою, неспешно заволакивая небо, — и вот уже до слуха докатился гром, пока слабый, по-стариковски ворчливый. В нем еще не было твердой уверенности в себе; он будто пробовал голос и не знал, греметь ли ему или затихнуть, чтобы случайно не надорваться. И после первого раската тучи долго тянули по небу в полной тишине, в мрачноватой задумчивости, все гуще темнея и волоча тени по южному склону Шахана. Там дети часом раньше отыскивали в теплой траве разомлевшие от полднейной духоты ягоды.

Повилика у ржи слегла на землю, затаилась в предчувствии дождя, многие ее зонтики свернулись. А утром, когда дети шли к Шахану, цветы повилики, открытые солнцу и ветру, взволнованно трепетали и так свежо, резко белели, будто спорили с луговыми ромашками.

Девочка первой заметила эту перемену: куда-то подевались зонтики.

— Миша, — встревоженно сказала она и взглянула на небо, — идем быстрее. Мне страшно.

— Не бойся, — спокойно возразил мальчик. — Я же с тобой.

— Мама узнает, куда мы ходили, ругаться будет... Она у меня, знаешь, какая строгая! Бежим, Миша!

— А я скажу твоей мамке, что я смелый, — с прежним спокойствием, горделиво ответил Миша и для уверенности поддернул штаны. — Со мной не пропадешь...

С Шахана накинulo прохладным ветром. Рожь заволновалась,

зашумела, пошли перекатываться по ней темные и светлые волны — то клонились и вновь поднимались колосья, играя переменчивым светом. В воздухе ощутимо запахло истомившейся землей и цветами. На реке, протекавшей в зеленых кустах куги, блеснула тусклым серебром мелкая рябь и подалась накатом к тому берегу. Солнце, покорно вплывая в находящую тучу, в последний раз коснулось лучами земли, трепетно пробежало по ржи и лугу, вспыхнуло в воде — и скрылось. И кругом сразу все померкло, ветер подул с напором, быстрыми порывами.

— Была б у меня удочка, я бы наловил тебе пескарей, — сказал мальчик. — Сейчас они хорошо будут ловиться... Знаешь что? — обрадовался он своей новой мысли, и серые его глаза живо засветились. — Айда на речку! На перекатах можно ловить руками. Только хватай!

Девочка с опаскою покосилась на тучи (теперь они, подгоняемые ветром, надвигались из—за горы темно—лиловой стеною), немного поколебалась и согласилась, доверчиво побежав вслед за Мишей к реке.

Мальчик отыскал перекат и, недолго мешкая, зашел в воду.

— А ты рви кугу! Я из нее корону тебе сплету. Будешь царицей!

Куга вдоль берега поднималась густо—зелеными кустами, и девочка, озабоченно склонившись над ними, принялась вырывать круглые и гладкие стебли и складывать их возле себя стопкой. Тем временем ее друг осторожно переступал в мелкой, по щиколотки, воде, стараясь не вспугнуть притаившихся под камнями пескарей. Он слегка приподнимал скользкий голыщ, быстро сводил ладони, каждый раз надеясь, что судорожно забьется, взблеснет между ними пескарь, и он крикнет Лене: "Поймал! Поймал!" И выйдя на берег, протянет ей пескаря, и они вдвоем, присев на корточки, долго будут разглядывать маленькую рыбешку. Однако пескарей почему—то не попадалось, а тучи уже плотно затягивали небо, из края в край.

Внезапно крутолобая вершина Шахана озарилась белым, истекающим и все пронизывающим светом; на миг выступила, как видение, деревянная вышка, похожая на гигантский небесный циркуль, и тут же исчезла. Вслед за этим с оглушительным треском лопнул гром, осколки его, беспорядочно взрываясь, опережая и настигая друг друга, брызнули во все стороны — и весь Шахан утонул в клубящейся мгле... По реке стлалась нервная зыбь, вспыхивали пузырьки — то срывались с неба и ввинчивались в воду крупные капли дождя. И опять, уже совсем близко, зарокотал, ударил раскатисто гром.

— Бежим! — испуганным голосом крикнул Миша, схватил онемевшую Лену за руку, и они во весь дух помчались вдоль берега, лишь бы не оставаться на месте.

Со стороны горы прямо на них неслась и отвесно падала сизая,

с багровыми всполохами туча, волоча свои темные космы и непрерывно извергая змеистые молнии. Они прошивали ее насквозь, истекали мертвенно — бледным светом и плавилась, будто подожженные корни деревьев. Но туча, несмотря на раздирающий ее огонь, ничуть не убавлялась, а, наоборот, полнилась громокипящей силой, набиралась гнева и еще больше свирепела, готовая одним сабельным взмахом расколоть и небо, и гору с циркулем.

Крепко держась за руки, дети бежали и, будто одно резвое существо, согласно перемахивали через болотные кочки, выбирая путь поровнее и посуше. В свободной руке девочки по — прежнему трепыхались голубые васильки.

В промежутке между стрельбою грома, бившего теперь одновременно со вспышками молний, они услышали тонкий, жалобный писк и остановились. В нескольких шагах от них, в сплошном наплыве куги, что — то заворчалось и вновь запищало — отчаянно, призывно.

— Гусенок! — догадался Миша. — Давай возьмем его.

Он кинулся на помощь забившемуся в кугу гусенку, поймал зеленовато — желтый, как распустившаяся сережка вербы, живой комочек и прижал его к груди.

— Дай посмотреть, Миша! — забывая о грозе, попросила девочка.

Она погладила ладонью гусенка и улыбнулась ему. С мокрого, в веснушках, лица ее, озаренного бледной вспышкой, сошло оцепенение испуга; оно выражало изумление и счастье от Мишиной находки.

— Какой он смешной!.. Мы никому не отдадим его, правда?

— Никому, — решительно заявил мальчик. — Он ножку поранил, видишь? Мы вылечим его, и он станет большим белым гусаком.

— Гусем, — уважительно поправила его девочка. — И он будет летать! Высоко — высоко... — Она полнилась нежностью и к Мише, и к этому мокрому больному гусенку, который больше не пищал и покорно замер на его груди.

— А то! Он полетит выше других гусей! — сказал мальчик. Неистовая, лютая гроза вновь сотрясла землю — и хлынул ливень с градом. Вскрикнув, дети разом повалились на траву. Спасая гусенка, Миша прикрыл его своим телом. Ливень хлестал, как из ведра. Белые градины, величиною с фасоль, а то и с орех, молотили и секли их, въедливо обжигая. Лена, уткнувшись лицом в кугу и обхватив голову руками, всхлипнула.

— Перестань! — крикнул мальчик и бережно прикрыл ее худенькие вздрагивающие плечи своими руками. — Я с тобой, не бойся.

При каждой попавшей в него градины Мише хотелось куда — то спрятаться, защитить и себя от жгучих ударов, но, сцепив зубы, он

терпел и не отрывал рук от Лены, опасаясь за нее и за гусенка больше, чем за себя. Над ними гудело, яростно клочкотало и громыхало, как жесть, свирепое небо. Порывы грозových молний освещали луг, налившиеся болотца в куге и две крохотные фигурки, прильнувшие одна к другой...

Наконец гул медленно и нехотя удалился, град перестал падать. Гром отзывался на молнии все глуше, невнятнее, ливень понемногу утомился и стих. Мальчик поднял голову, поглядел перед собою вдаль и с радостью обнаружил, что длинные космы града висели уже далеко — там, где мглистое небо сливалось с горбатыми холмами. Тучи постепенно расходились, их нечесанные волокна рвались, тончали, бесследно таяли...

— Лен, а, Лен? — Мальчик осторожно потрогал за плечо девочку. — Тебя не убило? Вставай!

Еще мало веря наступившей тишине, девочка, облепленная мокрым платьем, поднялась с земли. Кивком головы откинула назад тяжелые русые волосы, с изумлением оглядела луг, усеянный пятнами белого града, и спросила:

— А гусенок живой?

— Живой! — сказал мальчик и вынул из — под рубахи гусенка.

— Какой хорошенький! — воскликнула девочка и поцеловала гусенка в бусинку глаза. — Живой!.. Ты с нами не пропадешь, гуленька...

Она повела светлыми, широко открытыми глазами вокруг себя и на мальчика, заметила сквозь разорванную рубаху на его спине растекшийся синяк и, проникаясь благодарностью, нежностью к своему бесстрашному другу, участливо поинтересовалась:

— Не больно?

— Не — е... Нисколечко не болит!

И двое побрели дальше, в большое село, которое завиднелось из — за деревьев на том берегу реки. Лена взяла своего спасителя за руку, и некоторое время они шли молча, переживая случившееся с ними и наблюдая за тем, как тают, исчезают с земли последние градины.

— Хочешь, я буду всегда с тобой? — сказала вдруг девочка.

— Ладно, — кивнул мальчик. — Я тоже тебя не оставлю. Но, подумав, со вздохом напомнил ей, что она все равно уедет в город, а он останется в селе.

— Ну и что? Я приеду снова, и ты опять спасешь меня от града.

— Приезжай. Я научу тебя ловить пескарей.

— А я — дарить твоей маме цветы.

— Цветы у нас кругом. На что их дарить? Выйди к Шахану и любуйся... Моя мамка в городе не жила, как твоя. Она не любит цветов...

— Вот и неправда. Любит, любит! Я принесу нашим мамам эти

васильки.

— Тогда и я нарву большой букет! — сказал мальчик.

— Только сурепку не рви, я ее не люблю. Рви васильки, колокольчики. Вот такие! — И она показала на колокольчики, свежо синевшие почти рядом. — Слышишь: они звенят. Бом — бом, динь — динь...

Мальчик с интересом прислушался:

— Ага, звенят... А ты любишь ромашки?

— Очень люблю. Они красивые... Но когда ты сплетишь мне корону?

— Завтра. Я обещал, значит, сплету.

— И я стану царицей? — восхитилась девочка.

— Самой лучшей царицей, — серьезно сказал мальчик. Между тем небо над ними прояснялось, а рожь, местами примята дождем и градом, встряхивалась и поднимала колосья, по — над рекою туманом стлался теплый пар. И вот уже солнце выглянуло из — за туч и заиграло в воде, плескаясь, как большая веселая рыба. Был ливень с градом — и нет его. Была гроза — и настала тишина... Вокруг все ожило, помолодело и обрадовалось солнцу. И дугою выгнулась многоцветная радуга: один ее конец упал за Шахан, другой опустился прямо в речку — полоскаться в ней.

Гусенок тоже встряхнулся и снова стал похож на распутившуюся вербовую сережку. Девочка и мальчик взглянули на него и отчего — то засмеялись. Хорошо им было идти вдвоем после грозы и ливня.